

МЁРТВАЯ ВОДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОЛЬГА ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова

Мёртвая вода

«Автор»

2026

Ефимова О.

Мёртвая вода / О. Ефимова — «Автор», 2026

«Они сказали, что она утонула. Но вода в её лёгких была не из того карьера». Пятнадцать лет назад три девочки-сироты стали свидетелями убийства. На следующее утро их воспитательница исчезла. Они поклялись молчать. Теперь они умирают одна за другой. Капитан полиции Павел Калинин идёт по следу убийцы, который прячется за голосами власти. След ведёт в прошлое — в детский дом «Берёзка», который был закрыт при странных обстоятельствах, в клинику «Новая жизнь», построенную на руинах, и в чёрную воду карьера, где никто не ищет правду. У Калинкина есть единственный шанс — найти живую свидетельницу, прежде чем убийца доберётся до неё. Но он не знает, что правда, которую он ищет, уже давно ждёт его. И она страшнее, чем он мог представить. У Калинкина есть единственный шанс - найти живую свидетельницу, прежде чем убийца доберётся до нее. И она страшнее, чем мог он представит. «Мертвая вода» — детектив-триллер о молчании, предательстве и цене, которую приходится платить за справедливость.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Тело	5
Глава 1. Утро на карьере.	5
Глава 2. Свидетельница	12
Глава 3. Три девочки.	18
Глава 4. Детдом Березка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ольга Ефимова

Мёртвая вода

Часть 1. Тело

Глава 1. Утро на карьере.

Туман стоял над водой такой плотный, что казалось — можно взять нож и отрезать от него кусок. Он висел над поверхностью карьера тяжелыми белыми космами, не давая солнцу пробиться к черной масляной глади. Вода здесь была странной — не зеленоватой, как в озерах, и не синей, как в реках. Она была цвета старого железа, с металлическим отливом и резким запахом, которые местные называли “болотным духом”, но самом деле эта пахла гнилая органика, осевшая на дне за десятки лет.

Карьер образовался на месте старого торфоразработчика. Когда-то здесь работали экскаваторы, вынимали торф, а потом пришла вода — затопила все. Говорили, что глубина достигает сорока метров. Никто не проверял. Да и зачем? Вода здесь была мертвой — рыба не водилась, купаться никто не решался. Только по весне, когда таял снег, а на поверхности показывались пузырьки, и старожилы крестились: дескать, души утопленных дышат.

Рыбак, который появился на берегу в половине шестого утра, не был суеверным. Звали его Михаил Степанович, ему было под семьдесят, и он каждый день приезжал на карьер с одной-единственной целью — напиться в одиночестве. Удочка была просто прикрытием. Жена его пилила последние двадцать лет, и единственным местом, где он мог спокойно посидеть с пол-литра, был этот проклятый залив с холодной водой и тишиной, от которой звенело в ушах.

Он поставил раскладной стульчик на илистый берег, бросил в воду удочку без наживки — чтобы не подозревали — и уже откупорил бутылку, когда заметил, что рядом с причальными сваями, у которых раньше швартовали баржи, что-то белеет.

Михаил Степанович прищурился. Плохо видел без очков, но очки он принципиально носил только дома — на рыбалке они казались ему лишней роскошью. Он сунул бутылку в рюкзак, поднялся и сделал несколько шагов к кромке воды. Туман колыхался, открывая и закрывая вид, как старый занавес.

Белое пятно не двигалось. Оно лежало на поверхности, чуть покачиваясь от слабой волны.

— Кто там? — крикнул Михаил Степанович, думая, что это утка или выброшенный кем-то полиэтиленовый пакет.

Ответом была тишина. Только вода плескалась о сваи с тихим, чавкающим звуком.

Михаил Степанович снял резиновые сапоги, закатал штаны и вошел в воду по щиколотку. Вода обожгла холодом — даже в июне она не прогревалась выше восьми градусов. Он сделал еще пару шагов, нагнулся, протянул руку и коснулся белой ткани.

Это была рубашка. И под ней — что-то твердое и холодное.

Он дернул за край, и тело перевернулось на спину.

В лицо ему смотрели остекленевшие глаза, полные воды и тумана. Рот был приоткрыт, из него сочилась мутная жидкость. Длинные темные волосы плавали вокруг головы, как змеи, обвивая шею и плечи.

Михаил Степанович закричал. Бутылка в рюкзаке громыхнула, он попятился, поскользнулся на илистом дне и упал спиной в воду. Ледяная волна накрыла его с головой, но он вынырнул с таким воплем, что штук пять уток на том берегу взлетели, захлопав крыльями.

Кое-как выбравшись на берег, он дрожащими руками достал телефон и набрал номер спасателей, который висел на щите у дороги. Но пальцы не слушались, он нажимал не на те кнопки, и когда на том конце ответили, он просто прокричал в трубку:

— Труп! В воде! Лежит прямо у свай! Шевелитесь, ради бога!

Оператор попросил уточнить место.

— Да карьер «Черная вода»! Ну, вы знаете! Березовский детдом рядом! Там вода проклятая, я же говорю!

Через три минуты ему перезвонили и сказали, что полиция уже выехала.

Михаил Степанович сел на свой стульчик, вытащил бутылку, трясущимися руками открутил крышку и сделал три больших глотка, не закусывая. Горечь обожгла горло, но он даже не поморщился. Он сидел и смотрел на белое пятно, которое снова накрыл туман, и думал: «Все-таки не зря жена говорит, что на этом проклятом месте ничего хорошего не бывает».

Капитан полиции Павел Сергеевич Калинин получил вызов в семь утра. Он как раз заваривал чай, когда зазвонил телефон.

— Калинин, — ответил он хрипловатым со сна голосом.

— Паша, поднимайся, — голос был знакомый, старший сержант Кузьмин с дежурной части. — У нас труп в карьере.

— В каком карьере? — Калинин потер лицо свободной рукой, пытаясь прогнать остатки сна.

— «Черная вода». Рыбак нашел. Молодая женщина, как сообщили. Срочно, пока не собрались зеваки.

Калинкин вздохнул и поставил чайник обратно на плиту. Чай подождет. Он жил один — после развода три года назад квартира казалась слишком просторной и пустой, хотя состояла всего из двух комнат. Калинин натянул джинсы, старую кожаную куртку, сунул в карман удостоверение и ключи от «Нивы». Вышел из подъезда, не глядя на соседей.

По дороге к карьере он пытался вспомнить, что ему известно об этом месте. Детдом «Берёзка». Закрыли лет пятнадцать назад. Потом там была стройка, потом — частная клиника. Вода — торфяная, темная, мутная. Дно — вязкое, илистое, с затонувшими конструкциями старого экскаватора. «Если кто утонет в таком — достать трудно, — подумал Калинин — И вскрытие будет сложное, вода с примесями. Хорошо, что рыбак заметил, пока не ушло на дно».

Он подъехал к карьере через двадцать минут. На месте уже стояла патрульная машина, мигалка лениво вращалась, освещая утренний туман. Рядом сидел на раскладном стульчике дрожащий пожилой мужчина, укутанный в одеяло, который дали сотрудники МЧС.

Калинкин вышел из машины, подошел к старшему наряда.

— Что тут у нас? — спросил он, кивая в сторону воды.

— Женщина, капитан. — Сержант Михайлов, молодой, бледный, с капельками пота на лбу, стараясь смотреть не в сторону воды.

— Лежит у свай, в метрах в трёх от берега. Вода мутная, но мы ее оттащили от берега, чтобы не ушла. Там видно — она не старуха, лет двадцать пять-тридцать. Брюнетка. Одежда простая, джинсы и белая рубашка.

— Приметы насильственной смерти? — спросил Калинин, надевая перчатки и спускаясь ближе к воде.

— Не знаю капитан. На вид — как утопленница. Глаза открыты, вола в легких, наверное. На запястьях какие-то странные полосы.

Калинкин нахмурился.

— Полосы?

— ну как будто связана была. Или браслеты. Но не снимали, потому что все еще там.

Калинкин подошел к телу, уже лежавшего на пленке у самого края воды. Он опустился на корточки, внимательно посмотрел на лицо. Мертвая женщина была бледной, но не той синюш-

ной бледностью, которая бывает при долгом пребывании в воде. Наоборот – кожа имела сероватый оттенок, а губы были почти белыми, как воск.

Он взял, ее за запястье – кожа была, холодной, но не такой, как у тела, пролежавшего неделю в воде неделю. «С утки, максимум двое», – подумал Калинин. Пальцы были чуть искривлены, ногти сбиты – как будто она хваталась за что то.

И тут он увидел следы на запястьях. Тонкие, красноватые полосы, почти не заметные из-за бледности кожи. Они проходили поперек – как если бы на руки надели веревку и крепко стянули. Калинин перевернул одну руку и увидел такие же полосы с другой стороны. Веревка затянута туго, оставила глубокий след, нарушив кожу.

— Что скажешь? — спросил он у сержанта Михайлова, обернувшись.

— Я, капитан, не экспертиза, — пожал плечами тот. — Но, похоже, связали. Может, она сопротивлялась, и тот, кто ее связал, затянул сильно. А потом утопил.

Калинкин помолчал, глядя на тело. Сердце его екнуло — не от страха, а от предчувствия. Он чувствовал этот запах, эти признаки. Это не просто утопление. Кто-то подготовил все заранее.

— Вызывай судмедэксперта и криминалистов, — сказал он Михайлову, поднимаясь. — Говори — срочно. Нужно вскрытие сегодня.

— Будет сделано, капитан.

Калинкин отошел в сторону, полез в карман за сигаретами. Нашел смятую пачку «Беломора», прикурил. Потянул дым, чувствуя, как он дерет легкие. Смотрел на черную воду, на туман, который медленно рассеивался, оголяя бетонные сваи и куски старого пирса.

Рядом — странное здание, вернее — комплекс зданий. За серым бетонным забором виднелась красная кирпичная стена с высокими окнами. Детдом «Берёзка» — когда-то здесь жили дети-сироты. А теперь там клиника «Новая жизнь», как гласила табличка на воротах.

Калинкин подошел поближе к забору, посмотрел на клинику. Высокий белый корпус в стиле современной медицины, с большими пластиковыми окнами, а за ним — старые кирпичные стены. Снесли только входную часть, оставив задний корпус. Калинин заметил трубу старой котельной, когда-то — единственный источник тепла для всего здания.

— Там что-то есть? — спросил подошедший Михайлов, проследив за его взглядом.

— Клиника, — ответил Калинин. — Раньше здесь был детдом.

— Знаю, — кивнул сержант. — Я из этих мест. Когда закрыли детдом, мне было лет двадцать. Его продали какому-то бизнесмену.

— Кому? — спросил Калинин, чувствуя, что вопрос прозвучал слишком резко.

— Не помню, капитан. Но слышал, что этот бизнесмен теперь известный человек, у него клиника и несколько магазинов.

Калинкин кивнул и вернулся к воде. Туда же подъезжала белая «Лада» – приехал судмедэксперт Владимир Александрович, старый друг Калинкина, который работал в морге уже тридцать лет. Он вылез из машины, кряхтя, и оперся на палку.

— Ну что там, Паша, - спросил он, моргая близорукими глазами. — Опять нам подкинули работу? Такое раннее утро, я еще чай не выпил!

— Вода холодная, — ответил Калинин. — Женщина молодая. На руках следы от веревки. Я думаю – убили.

Эксперт подошел к телу, присел на корточки, пощупал руки, открыл рот, заглянул в глаза. Потом позвал Калинкина в сторону.

— Ты прав, — сказал он тихо, чтобы никто не слышал. — Это не утопление. Или не только утопление. Посмотри вот что.

Он протянул ладонь, на которой лежал небольшой предмет. Эта была заколка – металлическая, с ириской, немного погнутая.

– Она держала в ее руке. Крепко сжимала. Наверное, вырвала у того, кто ее связывал. Может быть, это след.

Калинкин взял заколку, завернул ее в носовой платок.

– Неси в морг, – сказал он эксперту. – Я приеду после полудня, сделаем вскрытие. Без меня не начинай.

– Хорошо, Паша. Только быстро, я сегодня хотел успеть на юбилей к брату, если ты понимаешь.

– На юбилей не успеешь, – ответил Калинкин. – Это серьезное дело.

Эксперт вздохнул и покатил носилки к машине.

Через час Калинкин сидел в своем кабинете в отделе полиции. Он еще и не снял куртку, перед ними лежали протоколы, фото с места происшествия, заявления рыбака. Он читал и думал.

«Утонула в нетрезвом состоянии» – это была стандартная формула, которое начальство любило больше всего. Упала, напилась, не выплыла. Такие дела закрываю за неделю, труп хоронят за бюджетный счет, и никто не задает вопросов.

Но Калинкин уже видел эти полосы на запястьях. Тон видел сбитые ногти. Он видел заколку в руке. Женщина боролась. Она не хотела умирать. И она знала того, кто ее убил.

– Что ты там застрял? – раздался голос в дверях.

В кабинет вошел полковник Горелов – начальник отдела, мужчина за шестьдесят, с квадратным лицом и тяжелым взглядом. Он был, старой заковки – предпочитал, простые дела и простые решения.

– Докладывай, Калинкин

Калинкин встал, хотя усталость давала о себе знать.

– Труп молодой женщины в карьере «Черная вода». Предварительно – утопление. Но на руках следы от веревки. Будет вскрытие через два часа.

– Ты думаешь, это убийство?

– Думаю да, товарищ полковник.

Горелов поморщился, сел напротив, сложил руки на столе.

– Слушай Калинкин. Ты хороший следователь, я знаю. Ну, давай не раздувать. У нас в области так много всяков. Может быть, это просто несчастный случай. Выпила, упала в воду, зацепилась за что-то, испугалась, веревка – это случайно.

– Следы от веревки на обеих руках, глубокие. Ее связали, товарищ полковник – Калинкин был тверд. – Она не упала.

Горелов тяжело вздохнул. Он не любил сложные дела.

– Ладно, – сказал он. – Делай вскрытие. Но если не найдешь ничего – закроем. И без самодеятельности. Не копайся в прошлом детдома, и не трогай бизнесменов, не ищи сенсаций. У нас спокойный район, и я хочу сохранить спокойствие.

– Понял.

Горелов встал и вышел. Калинкин остался один.

Он посмотрел на фотографию с места происшествия. Женщина лежала на черной пленке, лицом вверх. В мутном свете утра она казалась почти спящей, если бы не открытые глаза, наполненные водой и ужасом.

Калинкин взял ручку и написал в блокноте: «Установить личность погибшей. Проверить пропавших без вести за последние две недели. Проверить заявки в морг. Связаться с экспертом после 12:00».

Потом он поднял глаза на календарь, висевший на стене. 14 июня.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он у фотографии, хотя знал, что ответа не будет.

– Почему именно здесь?

Он взял телефон, позвонил эксперту, но тот не ответил. Тогда Калинин посмотрел на заколку в платке, которую положил на стол, и нахмурился. Металлическая ириска на ней была погнута, но можно было разобрать буква: «А.С.»

А.С. Инициалы.

– Кто ты, А.С.? – прошептал он.

Через три часа Калинин был в морге. Это было серое, холодное здание на окраине города, с запахом формалина и хлорки, пропитавшим все стены и одежду посетителей. Калинин здесь бывал чаще, чем хотелось.

Он прошел через металлическую дверь, поздоровался с санитаром и спустился в секционную. Владимир Александрович уже ждал его, стоя у стола, на котором лежало тело – теперь уже обнаженное, без одежды. Волосы были погибшей откинuty назад, лицо покрыто следами от скальпеля.

– Начинаем Паша? – спросил эксперт, натягивая перчатки.

– Давай.

Вскрытие длилось почти час. Эксперт работал сосредоточенно, комментируя каждое действие вслух. Калинин стоял рядом, записывая ключевые моменты в блокнот.

– Легкие заполнены водой... – бормотал эксперт, откидывая края разреза. – Да, вода есть. Но не такая как в карьере.

Калинин подался вперед.

– Что значит «не такая»?

Эксперт поднял пробирку с мутной жидкостью, взболтал ее.

– В карьере вода стоячая, с примесью торфа, черная. А здесь – обычная водопроводная с хлоркой. Слышишь, пахнет?

– Хлорка? – Калинин наклонился и почувствовал резкий запах, перебивающий формалин. – Так она не утонула в карьере?

– Не в карьере, Паша – подтвердил эксперт. – Она утонула в обычной воде. В ванне, в бочке, в бассейне – где угодно, где была хлорированная вода из-под крана. А потом ее вывезли в карьер.

Калинин почувствовал, как холодок пробежал по спине. Он не ошибся – это было убийство. Хитрое продуманное, с подменной места.

– Зачем было ее тащить в карьер? Спросил он, скорее размышляя вслух.

— Не в карьере, Паша, — подтвердил эксперт. — Она утонула в обычной воде. В ванне, в бочке, в бассейне — где угодно, где была хлорированная вода из-под крана. А потом ее вывезли в карьер.

Калинин почувствовал, как холодок пробежал по спине. Он не ошибся — это было убийство. Хитрое, продуманное, с подменой места.

— Зачем было тащить в карьер? — спросил он, скорее размышляя вслух.

— Чтобы запутать следы, — ответил эксперт. — Чтобы мы подумали на утопление. И почти получилось. Если бы не ты со своим «на запястьях следы».

— И ты, — сказал Калинин. — Ты не побоялся сделать анализ воды.

— Знаешь, Паша, — старый эксперт вздохнул, — я на своем веку столько видел. Труп в реке, труп в море, труп в колодце. И все — утопленники. Но следы на руках и вода с хлоркой — это уже не случайность. Это ты должен найти того, кто это сделал.

Калинин еще раз посмотрел на тело.

— Что еще есть? — спросил он.

— У нее есть свежие ссадины на ногах. Как будто она шла босиком по камням или бетону. И вот еще что...

Эксперт поднес к глазам погибшей небольшую лупу.

— На шее — едва заметный синяк. Следы от пальцев. Может быть, ее держали за горло. Или, наоборот, пытались, но не удалось.

— Насилие? — переспросил Калинин.

— Возможно. Но я не могу сказать точно, была ли она изнасилована. Следов спермы нет. Но борьба была — это факт.

Калинкин встал, отошел к стене и молчал несколько секунд.

— Значит, так, — сказал он, наконец. — Пиши заключение: смерть от утопления в хлорированной воде. Следы на руках — от веревки. Предположительно убийство. Я буду искать того, кто это сделал.

— И не забудь, — эксперт посмотрел ему в глаза. — Она держала в руке заколку. Может быть, это не случайно. Может быть, это тот, с кем она встречалась.

Калинкин взял со стола заколку, завернутую в полиэтиленовый пакет. «А.С.» — ириска была погнута, но буквы читались четко.

— Я найду тебя, — сказал Калинин, обращаясь то ли к заколке, то ли к мертвой женщине. — Я найду того, кто это сделал.

Он вышел из морга и сел в машину. За окном начинался дождь, серый, мелкий, тот самый, что размывает дороги и навеивает тоску. Калинин завел двигатель и выехал в сторону отдела, но на полпути вдруг свернул в сторону карьера.

Он ехал и думал. Если женщину утопили в хлорированной воде, значит, это произошло в каком-то здании. У кого есть доступ к зданию с хлорированной водой? У кого есть цель убивать молодых женщин? И почему тело бросили именно в карьер, а не где-то еще?

На подъезде к карьере он увидел ту же патрульную машину. Сержант Михайлов стоял у воды и курил.

— Капитан! — окликнул он. — У нас новости.

— Какие новости?

— Кто-то оставил у забора эту вещь. — Михайлов протянул пакет. — Мы нашли, когда вы уехали. Это, похоже, сумка. Женская.

Калинкин взял пакет, развернул. Внутри была потертая кожаная сумка, почти новая, но с пятнами грязи. Он открыл ее — там были ключи, паспорт на имя «Анна Смирнова», кошелек без денег и помада.

— Анна Смирнова, — прочитал Калинин вслух. — Двадцать пять лет.

Он посмотрел на фотографию в паспорте. Та же женщина — длинные темные волосы, большие глаза, чуть печальная улыбка.

— А.С., — прошептал он. — Анна Смирнова.

Он закрыл паспорт, убрал сумку в машину. Потом посмотрел на клинику «Новая жизнь», которая маячила за забором, и у него внутри что-то сжалось.

— Что ты там делала, Анна? — спросил он у пустоты. — Зачем ты пошла туда, где тебя могли убить?

Ответа не было. Только дождь усилился, превращая дорогу в грязь, и карьер качал свою черную воду, как будто ничего не произошло.

Калинкин сел в машину и поехал назад. В зеркале заднего вида мелькнуло здание клиники — белое, чистое, с благородной табличкой и зеленой лужайкой перед ней. «Новая жизнь». Ирония судьбы — смерть всегда где-то рядом с жизнью.

Он сжал руль, посмотрел на паспорт Анны Смирновой и решил, что не успокоится, пока не узнает правду.

В этот момент зазвонил телефон. На экране высветился номер эксперта.

— Она написала «детдом». Или, может быть, кто-то написал ей. Но она проглотила эту записку перед смертью. И хочешь знать, что еще?

— Говори.

— Буквы на записке — старые, будто карандашом. И внизу — подпись. «Л.П.» Кто это, Паша, я не знаю. Но это похоже на чью-то подпись.

Калинкин выключил телефон и остановил машину прямо на обочине. Дождь хлестал по стеклам, но он не замечал этого. Он смотрел на паспорт Анны Смирновой, на ее фотографию и думал: «Что связывает тебя, Анна, с детдомом? Что ты видела? И кто эта Л.П., которая оставила тебе эту записку?»

Он завел мотор, развернулся и поехал обратно в отдел. По дороге он набрал номер дежурного:

— Срочно подними архив детдома «Берёзка». Все бумаги, все списки воспитанников за последние двадцать лет. И найди мне дело Людмилы Петровны. Если у нас есть какие-то записи — несите.

Он ехал в дожде и знал: это только начало.

Калинкин вошел в кабинет и увидел на столе, среди бумаг, старую фотографию, которую, пока его не было, принес какой-то оперативник. Он взял ее, поднес к свету.

На фото три девочки в одинаковой форме сидят на крыльце старого здания. Они улыбаются. Вокруг — снег, зима, конец девяностых.

Калинкин перевернул фото. На обороте было написано детским, чуть неровным почерком:

«Мы видели, как он выходит»

И подпись — три инициала: А.С., К.М., М.Т.

А.С. — Анна Смирнова, мертва.

К.М. — кто это?

М.Т. — кто это?

И внизу, совсем мелко, другой рукой, карандашом:

«Л.П. — простите нас».

Калинкин опустил фотографию, сел в кресло и закрыл глаза. За окном лил дождь, где-то далеко в черной воде карьера качался туман, а в морге лежало тело Анны Смирновой, державшей в руке заколку с буквами «А.С.» — и не понимавшей, что ее прошлое настигло ее спустя столько лет.

— Что за детдом? — прошептал Калинкин, глядя на фото. — Что вы видели, девочки?

Ответа не было. Только гул дождя и мертвая тишина.

Глава 2. Свидетельница

Дождь не прекращался. Он шел с самого утра, мелкий, противный, заливая улицы серой жижей и превращая дороги в сплошную лужу. Калинин вел свою «Ниву» по разбитому асфальту, то и дело, чертыхаясь, когда колеса попадали в ямы, заполненные водой. Дворники скрипели по стеклу, размазывая грязь, и он то и дело поднимал руку, чтобы протереть запотевшее изнутри стекло.

Телефон лежал на пассажирском сиденье. Эксперт Владимир Александрович сказал, что будет ждать его в морге к двум часам, чтобы закончить вскрытие. Калинин посмотрел на часы — было двенадцать тридцать. Он успеет, если не застрянет в пробке на выезде из города. Но он застрял.

Он стоял в длинной очереди машин, барабанил пальцами по рулю, и прокручивал в голове то, что уже знал.

Анна Смирнова. Двадцать пять лет. Жила в этом городе, судя по прописке в паспорте. Ни мужа, ни детей — в графе «семейное положение» стоял прочерк. Родители — не указаны. Он уже проверил базу данных — Анна Смирнова действительно существовала, но ее личное дело было тоньше листа бумаги. Ни судимостей, ни административных нарушений, ни даже штрафов за парковку. Идеальная тишина. Слишком идеальная.

Калинкин подозревал, что это не ее настоящая фамилия. Может быть, она сменила ее после того, как покинула детдом. Или не хотела, чтобы кто-то знал, кто она такая.

Он вспомнил фотографию, которую оставили на его столе, пока он был в морге. Три девочки — Анна Смирнова, К.М. и М.Т. — смотрели в камеру, улыбаясь той наивной детской улыбкой, когда все кажется простым и легким. А на обратной стороне — жуткая фраза: «Мы видели, как он выходит».

Что они видели? И кто такой «он»? И почему Анна, спустя столько лет, оказывается мертвой в карьере, а на ее теле — следы веревки и хлорированная вода?

Машины сдвинулись. Калинин тронулся и поехал в сторону окраины. Через десять минут он уже парковался у серого здания морга.

Здание морга было построено в семидесятых годах — типовое, безликое, с облупившейся штукатуркой и высокими узкими окнами, которые никогда не открывались. Оно стояло на отшибе, у старого кладбища, и даже в солнечный день нагоняло тоску. Сегодня, под дождем, оно казалось особенно мрачным.

Калинкин поднялся по ступенькам, толкнул тяжелую деревянную дверь и вошел внутрь. Запах — тот самый, ни с чем не сравнимый запах, который держится здесь всегда. Смесь формалина, хлорки и чего-то сладковатого, что опытные люди называют «запахом смерти». Калинин привык к нему за годы работы, но каждый раз, когда он входил сюда, у него чуть сжималось горло.

В коридоре было тихо. Лампы дневного света мерцали, издавая тонкий гул. Из приемной, где сидела сестра-хозяйка, доносился звук радио — кто-то пел про любовь. Калинин прошел мимо, не останавливаясь, и спустился по лестнице в подвал, где находилась секционная.

Дверь была приоткрыта. Он толкнул ее и вошел.

Владимир Александрович стоял у стола, на котором лежало тело Анны Смирновой. Он был в зеленом халате, с закатанными рукавами, и сосредоточенно склонился над вскрытой грудной клеткой. Рядом с ним стоял ассистент — молодой парень в очках, с бледным лицом, который, судя по всему, только начал работать в морге.

— А, Паша, — сказал эксперт, не поднимая головы. — Присаживайся. Мы почти закончили.

Калинкин подошел к столу и посмотрел на тело. Анна Смирнова лежала с разрезом от горла до живота, с откинутыми краями кожи, обнажая внутренности. Калинкин видел это множество раз, но каждый раз чувствовал легкое головокружение. Он не мог смотреть на мертвых без чувства пустоты внутри.

— Что нашел? — спросил он, стараясь не смотреть прямо в рану.

Владимир Александрович выпрямился, снял перчатки и взял в руки маленький металлический лоток.

— Я сказал тебе по телефону про записку, — начал он, ставя лоток на стол. — Вот она. Свернута в плотный шарик, замотана в пищевую пленку в два слоя. Проглотила она ее, скорее всего, незадолго до смерти. Видишь края — они не повреждены желудочным соком, значит, пленка защитила содержимое. Калинкин взял пакет с запиской, поднес к свету. Внутри действительно был маленький листок бумаги, сложенный в несколько раз. Он развернул его, не вынимая из пакета. На бумаге карандашом было написано слово «Детдом». И внизу — «Л.П.» — инициалы, выполненные четким, ровным почерком.

— Карандаш? — удивился Калинкин. — Кто пишет карандашом в наше время?

— Тот, кто не хочет, чтобы следы остались, — ответил эксперт. — Или тот, у кого нет ручки. Но посмотри на буквы. Они не торопливые. Кто-то писал это осознанно, старательно. И подпись — Л.П. — как будто это послание, адресованное кому-то.

— Или от кого-то, — сказал Калинкин.

Он повертел пакет в руках, разглядывая записку. Бумага была желтоватой, старой — явно не купленная в обычном магазине. Похоже на тетрадный лист, вырванный из общей клетчатой тетради.

— Она проглотила это, когда поняла, что умрет? — спросил Калинкин.

— Судя по всему, да. Она не хотела, чтобы записка попала в руки убийцы. Или, наоборот, хотела, чтобы она дошла до нас, когда мы найдем тело.

Калинкин кивнул. Это было логично — если Анна знала, что ей угрожает опасность, и оставила послание, которое убийца не сможет уничтожить, потому что оно у нее внутри. Пока тело не вскроют, записка останется в безопасности.

— Что еще? — спросил он, убирая пакет в карман.

Владимир Александрович подошел к столу и указал рукой на тело.

— Смотри. На запястьях — следы от веревки, как мы уже видели. Но я проверил их под микроскопом. Веревка была не простая, а синтетическая. На ней остались волокна, которые могут помочь определить тип веревки. Я уже отправил образцы на анализ в криминалистическую лабораторию.

— Хорошо, — сказал Калинкин. — Еще?

— Есть ссадины на ногах. — Эксперт поднес небольшую лампу к коленям трупа. — Видишь? Множественные царапины, некоторые глубокие. Она шла босиком по бетону или камням. На подошвах ног — мелкие порезы. Похоже, она пыталась бежать. Бежать босиком по жесткой поверхности.

Калинкин посмотрел на ноги Анны. Маленькие ступни, ухоженные, с красным лаком на ногтях, но на пятках и пальцах — свежие царапины, некоторые даже кровоточили. Значит, она не просто снимала обувь, когда ее убили. Она бежала. Или ее тащили, и она упиралась ногами.

— Может быть, она пыталась выбраться из подвала? — предположил Калинкин.

— Возможно, — ответил эксперт. — Если она была где-то в подвале, где бетонный пол, и пыталась удрать, такие ссадины — логичны.

Он замолчал, потом посмотрел на Калинкина с серьезным лицом.

— Паша, я думаю, что она была жива, когда ее везли в карьер.

— То есть?

— Я проверил легкие. Вода хлорированная — это факт. Но я нашел еще кое-что. В ее дыхательных путях — частицы почвы. Торф. Такой же, как на дне карьера. Значит, когда ее бросили в воду, она все еще дышала.

Калинкин вздрогнул.

— Ты хочешь сказать, что ее бросили в карьер живой?

— Да. Скорее всего, она была без сознания, когда её сбросили с пирса. Легкие уже были заполнены хлорированной водой, но она еще дышала. А торф со дна попал в дыхательные пути уже там, в карьере. — Эксперт выдержал паузу, давая Калинкину осознать это. — Она умерла в воде карьера. Но она была уже почти мертва, когда ее туда бросили.

Калинкин представил это. Анна, связанная, полуживая, в воде с хлоркой в легких. Кто-то хватает ее, тащит к карьере, бросает в холодную черную воду, и она захлебывается, уходит на дно, пока пузыри поднимаются к поверхности. А потом — тишина.

— Боже, — выдохнул он.

— Именно, Паша. Жестокая смерть. И тот, кто это сделал, не просто убил ее. Он пытался стереть следы. Вода в карьере скрыла бы все улики, если бы не ты.

Калинкин отошел к стене, прислонился спиной к холодной кафельной плитке. Ему нужно было переварить эту информацию.

— Владимир Александрович, — сказал он, — я должен найти, где ее утопили. В каком здании есть хлорированная вода и подвал с бетонным полом. Где ее связали и держали.

— Я сделаю дополнительные анализы воды, — ответил эксперт. — Может быть, удастся определить точный состав хлора. Это поможет.

— Спасибо, — сказал Калинкин. — Ты — единственный, кто помогает мне по-настоящему. Владимир Александрович усмехнулся и похлопал его по плечу.

— Паша, ты знаешь, я работаю здесь уже тридцать лет. Я видел много трупов, много смертей. Но таких — с запиской, с хлорированной водой, с детдомом — я не видел никогда. Это что-то серьезное. Будь осторожен.

Калинкин кивнул и вышел из секционной. В коридоре он остановился и вытащил из кармана пакет с запиской. Еще раз прочитал: «Детдом. Л.П.»

Кто такая Л.П.? Может быть, Людмила Петровна? Он уже слышал это имя — воспитательница, которая исчезла пятнадцать лет назад. Но почему она оставила записку? Она мертва. Или нет?

Он убрал записку и поднялся по лестнице.

На выходе из морга он столкнулся с женщиной. Она стояла на пороге, держа зонт, который капал на пол, и смотрела на него с испугом.

— Извините, — сказала она дрожащим голосом. — Я ищу морг. Мне сказали, что здесь можно опознать мою подругу.

Калинкин замер. Он присмотрелся к ней — женщине было лет двадцать пять, с длинными светлыми волосами, бледным лицом и большими карими глазами. Она была одета в дешевую куртку, промокшую от дождя, и выглядела такой же потерянной, как та фотография, которую он держал в руках.

— Вы кто? — спросил он.

— Я Лида. Лида. Мне сказали, что нашли тело... Анны. Моей подруги. Анны Смирновой.

Калинкин почувствовал, как холодок пробежал по спине. Та самая Лида. Одна из трех девочек на фотографии. Вторая — К.М. — умерла. Третья — М.Т. — пропала. А эта стоит перед ним живая, но дрожащая от холода и страха.

— Вы знали Анну? — спросил он, стараясь говорить спокойно.

— Да. Мы вместе росли в детдоме. Она была моей лучшей подругой. — Лида сглотнула, и голос ее сорвался. — Я пришла, чтобы... чтобы убедиться, что это она.

Калинкин посмотрел на нее и понял: она знает больше, чем говорит. В ее глазах был не только страх за подругу. В них был страх за саму себя.

— Пройдемте, — сказал он. — Я могу вам помочь.

Он взял ее под руку и повел к скамейке в коридоре. Лида села, вся дрожа, и уставилась в пол. Калинкин присел рядом, не зная, что сказать. Он знал, что сейчас начнется самое сложное.

— Расскажите мне, — сказал он. — Что вы знаете об Анне? Почему она оказалась в этом карьере?

Лида подняла на него глаза, и в них была такая тоска, что Калинкину стало не по себе.

— Я не знаю, — ответила она тихо. — Но я знаю, что кто-то хотел нас убить. Всех трех. Мы видели то, что не должны были видеть.

— Когда?

Лида помолчала, словно собираясь с силами.

— Пятнадцать лет назад. В детдоме «Берёзка». Мы были детьми, нам было по десять лет. Мы играли в прятки, зашли в подвал, который был закрыт. И увидели, как оттуда выходит человек. Он вышел с окровавленными руками и пошел к котельной. Мы испугались, убежали и никому не сказали.

— А потом?

— Потом воспитательница Людмила Петровна исчезла. Она всегда защищала нас. А когда она пропала, мы поняли, что тот человек, которого мы видели, убил ее. Но мы боялись сказать. Детдомовок никто не слушает. Нас бы отправили в другой детдом, и все было бы еще хуже.

Лида сжала руки в кулаки.

— Мы поклялись, что сохраним это в тайне. Но Анна написала в своем дневнике все, что мы видели. Она хотела, чтобы правда когда-нибудь вышла наружу. А теперь она мертва.

Калинкин вытащил из кармана фотографию, которую нашел на столе.

— Это вы? — спросил он, показывая снимок.

Лида посмотрела на фото, и глаза ее наполнились слезами.

— Да. Это я, Анна и Катя. Мы стояли у котельной в тот день, когда все это случилось. А Катя погибла два года назад. Говорят, ее сбила машина. Но я не верю в случайность.

— А М.Т.? — спросил Калинкин.

— Маргарита Тихонова. Рита. Она пропала три месяца назад. Никто не знает, где она. Я одна знаю, что она в опасности. И теперь я боюсь, что я следующая.

Калинкин вздохнул. Он чувствовал, как головоломка начинает собираться, но пока не видел всей картины.

— Кто был тот человек, которого вы видели? — спросил он.

Лида посмотрела на него, и глаза ее стали почти пустыми. — Он был директором строительной компании. Он купил детдом и превратил его в клинику. Мы узнали его по фотографии в газете. Он теперь очень известный человек. Я боюсь даже произносить его имя.

— Назовите его, — настаивал Калинкин.

Лида замялась, потом прошептала:

— Демидов. Игорь Демидов.

Калинкин застыл. Он вспомнил, что слышал это имя. Демидов — владелец клиники «Новая жизнь», построенной на месте детдома «Берёзка». И он живет рядом с карьером, в том самом месте, где нашли тело Анны.

— Он был там, когда мы нашли тело? — спросил Калинкин, чувствуя, что у него внутри все похолодело.

— Не знаю, — ответила Лида. — Но я знаю, что он все еще владеет клиникой. И он знает, что мы видели его тогда.

Калинкин поднялся, чувствуя, что ему нужно действовать.

— Лида, вы должны немедленно уехать из города. Вам может угрожать опасность. Я отвезу вас в безопасное место.

— Нет, — сказала она, поднимая голову. — Я не хочу бежать. Я хочу помочь вам найти правду. Я хочу, чтобы он ответил за то, что сделал.

Калинкин посмотрел на нее — на худенькую, дрожащую женщину, которая стояла перед ним, готовая сражаться за справедливость. Он понял, что она не отступит.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда пойдемте. У меня есть еще вопросы.

Он взял ее за руку и повел к выходу, чувствуя, что теперь у него есть не только улики, но и живой свидетель. Но внутри он знал: Лида в опасности. И он должен защитить ее, чего бы это ни стоило.

На выходе из морга дождь усилился. Они стояли на пороге, глядя на серое небо.

— Вы верите, что мы сможем его поймать? — спросила Лида тихо.

Калинкин посмотрел на нее и ответил:

— Я верю, что справедливость должна восторжествовать. Даже если для этого придется копать так глубоко, как я не копал никогда.

Лида кивнула, сжала его руку, и они пошли к машине. Дождь заливал дорогу, но где-то впереди, за тучами, проглядывал слабый луч солнца.

Калинкин знал: это только начало расследования. И впереди у него много работы.

А за спиной — в холодной тишине морга — лежало тело Анны Смирновой с запиской в желудке, которая гласила: «Детдом. Л.П.»

Он сжал руль и поехал.

Когда Калинкин завел машину и уже собирался выехать со стоянки морга, его телефон снова зазвонил. На экране высветился номер дежурного по отделу.

— Калинкин! — раздался взволнованный голос. — У нас проблемы.

— Что случилось?

— Только что поступило сообщение из клиники «Новая жизнь». Они говорят, что у них пропала сотрудница. Медсестра. Ее никто не видел с вечера вчерашнего дня.

Калинкин почувствовал, как сердце пропустило удар.

— Как ее зовут?

Дежурный помолчал, проверяя данные.

— Маргарита Тихонова. Рита. Она работала там уже три года. Они только что заявили о пропаже.

Калинкин посмотрел на Лиду, которая сидела рядом, бледная, почти не дыша.

— Лида, — сказал он, — Рита пропала. Твоя подруга пропала. Она работала в клинике.

Лида закрыла лицо руками и зарыдала.

— Я знала, — прошептала она. — Я знала, что он найдет ее.

Калинкин сжал руль, заглушил двигатель и снова посмотрел на морг. За стенами лежала Анна, убили Катю, пропала Рита. И теперь Лида — единственная выжившая свидетельница.

Он знал, что время работает против них.

Он взял телефон и набрал номер эксперта.

— Владимир Александрович, — сказал он, — начните проверку клиники «Новая жизнь». Я хочу знать все об их подвале, о воде, о сооружениях. И найдите мне историю детдома «Берёзка». У нас нет времени.

Он сбросил звонок и повернулся к Лиде.

— Ты сказала, что хочешь помочь. Тогда слушай меня. Мы поедem в клинику. Но ты должна запомнить: если кто-то спросит — ты не знаешь ничего. Ты просто женщина, которая потеряла подругу. И я твой адвокат. Понятно?

Лида кивнула, вытирая слезы.

— Поняла.

Калинкин завел двигатель и поехал в сторону клиники. Дождь усиливался, заливая ветровое стекло. Где-то впереди — в белом здании, возвышающемся над черным карьером, — скрывалась правда.

Или смерть.

Глава 3. Три девочки.

Дождь барабанил по крыше "Нивы", создавая монотонный ритм, который действовал на нервы. Калинин вел машину по разбитой дороге, огибая лужи, которые становились все глубже. Лида сидела рядом, прижимая к груди старую сумку, и молчала. Он поглядывал на нее краем глаза — она была бледной, губы сжаты в тонкую линию, пальцы нервно теребили край куртки.

— Ты знала, что она работает в клинике? — спросил Калинин, нарушая тишину.

Лида вздрогнула, будто очнулась от сна.

— Да. Рита устроилась туда два года назад. Сказала, что хочет быть ближе к тому месту, где все началось. Хотела найти ответы.

— Ответы на что?

— На то, что случилось с Людмилой Петровной. Она не верила, что та просто уехала. Рита всегда была настойчивой. Она думала, что если будет работать там, то сможет что-то выяснить. — Лида замолчала, потом добавила, почти шепотом: — Я предупреждала ее, что это опасно. Но она не слушала.

Калинкин кивнул. Он понимал эту одержимость — когда правда становится важнее собственной безопасности. Он и сам был таким.

— А что насчет Кати? — спросил он. — Как она погибла?

Лида отвернулась к окну, глядя на мелькающие за стеклом серые дома.

— Ее сбила машина. На трассе, недалеко от города. Водитель скрылся. Она шла домой с работы, было поздно, темно. Кто-то просто сбил ее и уехал. — Лида сглотнула. — Мы думали, это случайность. Но после того, как Анна... — Она не договорила, но Калинин понял.

— Ты считаешь, что Катю убили?

— Я не знаю. — Лида повернулась к нему, в глазах — растерянность. — Но за два года до этого убили Риту. А теперь Анна. Три подруги. Одна за другой. Разве это не выглядит как... как целенаправленно?

Калинкин ничего не ответил. Он думал о том же самом.

— Скажи, — спросил он после паузы, — кто еще мог знать о том, что вы видели в подвале?

Лида задумалась.

— Мы никому не говорили. Но... у Анны был дневник. Она записывала все. И она иногда показывала его Рите. Может быть, кто-то узнал об этом. Или она кому-то рассказала, когда стала старше.

— Где сейчас дневник?

— У меня. Анна отдала его мне за месяц до смерти. Сказала, что если с ней что-то случится, я должна передать его тебе.

Калинкин удивленно посмотрел на нее.

— Мне? Она знала обо мне?

— Она видела тебя по телевизору. Помнишь тот репортаж, где ты нашел тело пропавшей девочки? Она сказала: "Вот человек, который может помочь". И теперь я понимаю, почему она так сказала.

Калинкин почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Анна Смирнова, молодая женщина, которую убили, знала о нем. И она оставила ему послание.

— Дай мне дневник, — сказал он.

Лида открыла сумку, долго копалась внутри и наконец, вытащила потрепанную тетрадь в клеенчатой обложке. Калинин взял ее и положил на сиденье.

— Я прочитаю позже, — сказал он. — Сначала клиника.

Они подъехали к воротам "Новой жизни". Клиника выглядела внушительно — белое здание с большими пластиковыми окнами, ухоженная зеленая лужайка, ровные дорожки. Ничто не напоминало о том, что когда-то здесь находился старый детдом с его мрачными коридорами и холодными подвалами.

Калинкин поставил машину на стоянку, заглушил двигатель. Дождь немного стих, превратившись в мелкую морось.

— Ты готова? — спросил он Лиду.

Она глубоко вздохнула, выдохнула и кивнула.

— Готова.

Они вышли из машины и направились к главному входу. Стеклопакеты дверей разъехались автоматически, выпуская теплый воздух с запахом лекарств и чистящих средств. Холл клиники был роскошным — светлый мрамор на полу, кожаные кресла для посетителей, аквариум с цветными рыбками у стены.

За стойкой регистратуры сидела молодая девушка в белом халате. Она подняла глаза, когда Калинкин приблизился.

— Здравствуйте. Я капитан полиции Павел Калинкин. — Он показал удостоверение. — Мы по поводу пропавшей сотрудницы. Маргариты Тихоновой.

Девушка замаялась, потом быстро закивала.

— Да, да, я знаю. Я сейчас вызову директора. — Она потянулась к телефону.

Через пару минут из коридора вышел высокий седой мужчина в темном костюме с бейджиком «Алексей Петрович Мельников, заместитель директора». Он выглядел лет на пятьдесят, с жестким, профессионально-приветливым лицом.

— Капитан Калинкин? Я слышал о вас.

Проходите, пожалуйста. — Он указал на коридор, ведущий вглубь здания.

Калинкин и Лида пошли за ним. Мельников привел их в небольшой кабинет с пластиковым столом и стульями. На стенах висели дипломы и сертификаты клиники.

— Мы очень обеспокоены исчезновением Маргариты, — начал он, закрывая дверь. — Она работала у нас два года, отличный специалист. Вчера вечером она ушла после смены, и больше ее никто не видел.

— Когда именно это произошло? — спросил Калинкин.

— В восемь вечера. Охранник видел, как она выходила через служебный вход. Она была одна, без вещей. Обычно она брала сумку, но вчера она вышла с пустыми руками.

Калинкин кивнул, запоминая детали.

— У нее были враги? Кто-то, кто мог ей желать зла?

Мельников пожал плечами.

— Насколько я знаю, нет. Она была спокойной, даже замкнутой. Общалась в основном только с коллегами, не ходила в бары, не заводила сомнительных знакомств.

— А с Игорем Демидовым? Она общалась с ним?

Мельников сдержанно улыбнулся.

— Демидов — наш учредитель, но он редко бывает в клинике. У него много дел, он управляет несколькими предприятиями. Я не припомню, чтобы Маргарита имела с ним личные контакты.

Калинкин заметил, как Лида напряглась при упоминании этой фамилии. Она сидела неподвижно, сжав кулаки.

— Вы не возражаете, если мы осмотрим ее рабочее место? — спросил Калинкин.

— Конечно, провожу.

Кабинет Маргаритой Тихоновой находился на втором этаже, в отделении физиотерапии. Эта была небольшая комната с белыми стенами, столом, компьютером и картотекой. На столе лежали стопки документов, стояла чашка с остывшим чаем.

Калинкин начал осмотр, перебирая бумаги. Лида стояла у двери, молча на глядя вещи подруги. Ее лицо было непроницаемым, но по тому, как она сжимала края куртки, Калинкин понимал, что у нее все кипит.

— Что это? — спросил Калинкин, заметив небольшой блокнот, лежавший под клавиатурой.

Он взял его, открыл. Первые страницы были пустыми, но на третьей — записи. Краткие торопливые заметки, сделанные рукой Риты.

"Встреча с Л.П., 10 июня. Она знает правду. Я должна встретиться с ней".

"Она боится говорить. Но она знает, что я ишу. Мы должны поговорить завтра".

Калинкин нахмурился. Л.П. — те же инициалы, что и на записке в желудке Анны. Людмила Петровна. Но как она могла встретиться с Ритой, если она умерла пятнадцать лет назад?

Он продолжал листать блокнот. Последняя запись была сделана за день до исчезновения:

"Я знаю, где подвал. Я видела его. Он выходит ночью. Это не сон. Он выходит".

Больше ничего. Блокнот обрывался на полуслове.

— Что это значит? — спросила Лида, подходя ближе.

— Я не знаю, — ответил Калинкин, пряча блокнот в карман. — Но это важно.

Он осмотрел ящики стола. В одном нашел старую фотографию — Маргарита с двумя девушками, которые смеются, обнимаясь на фоне старого деревянного здания. Калинкин сразу узнал его — это был детдом "Берёзка". Рита, Анна и Катя стояли у котельной, в том же месте, что и на фотографии, которую он уже видел.

— Ты знаешь, что это за место? — спросил он Лиду.

— Это наш детдом, — ответила она. — Мы часто фотографировались там. Рита хранила эту фотографию все эти годы.

Калинкин перевернул снимок. На обороте тем же детским почерком было написано: "Теперь мы никогда не вернемся. Мы уйдем отсюда и забудем все".

— Забудем? — переспросил он.

Лида вздохнула.

— Мы пытались забыть. Но ничего не получилось. Прошное всегда возвращается.

Калинкин положил фотографию в карман, рядом с блокнотом. Он уже собрался выходить, когда заметил на столе что-то еще — старый ключ, ржавый, с биркой, на которой было выцарапано "№ 7".

— Что это? — спросил он, показывая ключ.

— Понятия не имею, — ответила Лида. — Может быть, от какого-то шкафа или сейфа.

Калинкин взял ключ, повертел в руках. "№ 7". Что-то подсказывало ему, что это не просто забытый ключ. Это могло быть что-то важное.

Он убрал ключ и вышел из кабинета.

Мельников ждал их в коридоре.

— Я хотел бы осмотреть подвал, — сказал Калинкин. — Это возможно?

Мельников удивленно поднял брови.

— Подвал? Там только старые коммуникации, трубы, ничего интересного. И он закрыт, у нас нет ключей.

— Мне нужно просто заглянуть, — настаивал Калинкин.

Мельников пожал плечами.

— Хорошо, если это так важно. Но предупреждаю, там сыро и темно.

Он повел их к лестнице, ведущей вниз. Дверь в подвал была массивной, металлической, с большим замком. Мельников попытался открыть ее, но замок не поддавался.

— Видите, — сказал он, — не открывается.

Калинкин подошел ближе, посмотрел на замок и вдруг понял. Тот самый ключ — "№ 7". Должно быть, он подходит к этому замку. Но Калинкин не стал проверять при Мельникове. Он просто кивнул и сказал:

— Ладно. Мы уходим.

Он взял Лиду за руку и быстро повел ее к выходу.

Когда они сели в машину, Лида, наконец, вздохнула.

— Ты что-то нашел, — сказала она.

— Да. Ключ, который открывает ту дверь. И блокнот, где Рита пишет о встречах с Л.П. — Калинкин завел двигатель. — Я должен понять, кто такая Л.П. И почему Рита думала, что она жива.

— Может быть, это кто-то другой? — предположила Лида. — У нас в детдоме была медсестра Людмила Павловна. Мы звали ее Л.П. И она была еще при нас, когда мы уезжали.

Калинкин замер.

— Людмила Павловна?

— Да. Она была старше Людмилы Петровны — той, что исчезла. Но они работали вместе. После того, как детдом закрыли, она переехала в соседний город. Я не знаю, где она сейчас.

— Ты можешь узнать ее адрес? — спросил Калинкин.

— Попробую. Но это может занять время.

Калинкин посмотрел на часы. Было почти четыре часа дня. Времени оставалось мало.

— Я отвезу тебя домой, — сказал он. — И буду ждать звонка. Если что-то найдешь — сразу звони. А я пока разберусь с дневником Анны.

Он повернул ключ зажигания, но Лида положила руку на его плечо.

— Павел Сергеевич, — сказала она тихо, — вы верите, что Рита еще жива?

Калинкин помолчал. Он не мог дать ей ложную надежду, но и не хотел ее расстраивать.

— Я буду искать ее. Пока есть шанс — я не остановлюсь.

Лида кивнула, сжала его руку и откинулась на сиденье.

Дорога домой прошла в молчании. Каждый думал о своем.

Час спустя Калинкин сидел в своем кабинете, снова глядя на фотографию трех девочек. Он перебирал в руках дневник Анны — желтые страницы, исписанные мелким, аккуратным почерком. Здесь была ее жизнь, ее тайны, ее страхи.

Он начал читать с самого начала.

"1 сентября 2010 года. Сегодня мы пошли в школу. Нас было трое — я, Катя и Рита. Мы обещали друг другу, что всегда будем вместе. Даже если нас будут пытаться разлучить".

Калинкин перелистнул несколько страниц.

"15 октября 2011 года. Мы нашли его. Мы видели, как он выходит из подвала. Он весь был в крови. Мы испугались и убежали. Катя плакала всю ночь. Рита говорит, что мы должны сказать воспитательнице. Но я не хочу, чтобы нас выгнали. Мы никому не скажем".

"20 октября 2011 года. Людмила Петровна уехала. Она всегда заботилась о нас, а теперь ее нет. Мы знаем, что случилось. Но мы молчим, потому что никто нам не поверит".

Калинкин перевернул следующую страницу и увидел запись, сделанную уже взрослой рукой.

"2024 год. Я не могу забыть. Я пыталась жить как все, но каждую ночь я просыпаюсь и вижу его. Он выходит из подвала. Он идет за мной. Я больше не хочу бояться. Я должна найти правду".

И дальше — карандашом, снова детским почерком:

"Л.П. — простите нас. Мы не хотели, чтобы так получилось".

Калинкин закрыл дневник и откинулся на спинку стула. Он чувствовал, как головоломка складывается в его голове. Анна, Катя, Рита — три подруги, которые видели убийство. Они поклялись молчать. Но спустя пятнадцать лет кто-то начал убивать их одного за другим.

И теперь Рита пропала.

Он взглянул на телефон. Никаких звонков от Лиды. Значит, она еще не нашла адрес Людмилы Павловны.

Калинкин взял ключ "№ 7" и повертел его в руках. Он знал, что должен вернуться в клинику этой ночью. Он должен открыть подвал и увидеть, что там скрывается.

Но сначала он должен что-то сделать.

Он набрал номер Владимира Александровича.

— Это я. Есть новости по записке?

— Есть, — ответил эксперт. — Я проверил чернила. Карандаш простой, дешевый, можно купить в любом канцелярском магазине. Но вот что интересно — бумага старая, с водяными знаками. Это бумага из официальных документов. Начало двухтысячных годов.

— Значит, записка старая, — сказал Калинкин.

— Да. Она была написана давно. Не вчера, не в этом году. Как минимум лет десять-пятнадцать назад. И она не просто лежала в желудке — она была там спрятана. Анна проглотила ее давно, но не переварила.

Калинкин нахмурился.

— Как такое возможно?

— Она могла держать ее в своем теле какое-то время. Например, она могла проглотить ее за день или два до смерти. А потом, в стрессовой ситуации, ее желудок мог не переварить содержимое. Это редко, но бывает.

Калинкин почувствовал, как холодок пробегает по спине.

— Значит, Анна знала, что может умереть. И она спрятала записку внутри себя, чтобы никто не нашел.

— Или, — добавил эксперт, — она сделала это недавно, но записка сохранилась в хорошем состоянии. Теперь мне нужно узнать, кто еще может знать об этом.

Калинкин поблагодарил эксперта и положил трубку.

Он снова открыл дневник на последней странице. Анна написала:

"Если вы читаете это, значит, меня уже нет. Я знаю, что кто-то идет за мной. Но я хочу, чтобы вы знали правду. Мы — Анна, Катя и Рита — все видели. Мы видели, как он выходит из подвала. И мы знаем, что Людмила Петровна мертва. Ее тело лежит там, под бетоном. Я хочу, чтобы вы нашли его".

Калинкин медленно положил дневник на стол и посмотрел на фотографию трех девочек. Они улыбались, стоя у старой котельной, не зная о том, что ждет их впереди.

Анна мертва. Катя мертва. Рита пропала.

И где-то там, под бетоном, лежат останки Людмилы Петровны.

Калинкин взял ключ и сжал его в кулаке.

"Я найду тебя", — подумал он. "Я найду всех вас".

Он встал и направился к выходу, готовясь к ночной вылазке в клинику.

Калинкин вышел из отдела, когда зазвонил его телефон. Это была Лида.

— Павел Сергеевич, — голос ее был взволнованным. — Я нашла адрес Людмилы Павловны. Она живет в поселке рядом с городом. Но она очень больна и, говорят, не говорит с чужими. Я уже еду к ней. Вы будете?

Калинкин посмотрел на часы — уже почти стемнело. Если он поедет к Людмиле Павловне, то не успеет вернуться в клинику до полуночи. А если он пропустит эту ночь, то Рита может погибнуть.

Но он знал: ключ к разгадке — в прошлом. И Людмила Павловна — последний живой свидетель.

— Еду, — сказал он. — Жди меня там.

Он сел в машину и поехал в поселок, где жила старая медсестра. Дождь усиливался, превращая дорогу в реку. Калинин сжимал руль и думал о том, что сейчас он подбирается к истине.

Но истина могла оказаться страшнее, чем он предполагал.

Глава 4. Детдом Березка

Дорога к поселку, где жила Людмила Павловна, оказалась длиннее, чем предполагал Калинин. Он выехал из города, когда тучи начали рассеиваться, оставляя после себя влажный, тяжелый воздух, и направился по трассе, ведущий на север. Поселок назывался Заречный — тихое место на берегу на берегу небольшой речушки, где жили в основном пенсионеры и те, кто когда-то работал в окрестных колхозах.

Дождь почти прекратился, но дорога оставалась мокрой. Калинин вел машину аккуратно, стараясь не попасть в колеи. Лида сидела рядом, сжимая в руках листок бумаги с адресом, которые ей дали через общих знакомых.

— Одна живет одна, — сказала Лида, разглядывая бумажку. — После того, как детдом закрыли, она переехала сюда. Соседи говорят, что она почти не выходит из дома, никого не пускает. Она очень больна.

— Чем?

— Не знаю. Говорят, что у нее что-то с сердцем. Или нервы. Она сильно сдала за последние годы.

Калинкин кивнул. Ему предстояло разговорить женщину, которая, возможно, хранила тайну пятнадцати лет. И которая, возможно, боялась говорить до сих пор.

— Я знаю, — ответила Лида. — Я попробую поговорить с ней. Может быть, она узнает меня. Я ведь была той девочкой, которую она помнит.

Калинкин мельком взглянул на нее. Лида выглядела уставшей, но решительной. Она не хотела уступать. Он понимал: она боится за себя, но еще больше боится потерять последний шанс узнать правду.

Они въехали в поселок через час. Заречный оказался небольшим, с одной главной улицей, старыми деревянными домами с резными ставнями и огородами, утопающих в сорняках. Людей на улице почти не было — только старуха в платке сидела на лавочке у дома и смотрела на проезжающие машины пустыми глазами.

Дом Людмилы Павловны стоял на окраине — одноэтажный, с облупившей окраской и покосившимся крыльцом. Окна были занавешенными плотными шторами, даже через них не было видно света. Казалось, что дом пуст.

Калинкин остановил машину и вышел. Лида последовала за ним.

— Похоже, она не ждет гостей — сказал Калинин, подходя к калитке.

— Она никого не ждет гостей — ответила Люда. — Но я должна попытаться.

Она подошла к двери и постучала. Тишина. Ни звука внутри.

— Людмила Павловна! — позвала она громко. — Это Лида! Лида из детдома! Я приговорить с вами!

Снова тишина. Калинин уже начал думать, что они зря приехали, когда за дверью послышался шаркающий звук. Кто-то медленно приближался.

— Кто там? — раздался слабый старческий голос из-за двери.

— Людмила Павловна, это я Лида. Помните меня? Мы были вместе детдоме, вы меня лечили, когда заболела корью.

Наступила долгая пауза. Потом дверь приоткрылась на цепочку, и в щели показалось лицо пожилой женщины с седыми, редкими волосами и глубокими морщинами. Глаза ее были мутными, но в них мелькало узнавание.

— Лидочка? — прошептала она. — Ты ли это?

— Да, это я. Вы помните меня?

Старуха долго смотрела на нее, потом медленно сняла цепочку и распахнула дверь.

— Проходите, — сказала она. — Только тихо. Я не люблю шуму.

Калинкин и Лида переступили порог. Внутри было темно и пахло сыростью, лекарствами и чем-то сладким, приторным. Мебель была старой, покрытой пылью. Людмила Павловна двигалась медленно, опираясь на палку.

— Садитесь, — сказала она, указывая на стулья у стола. — Я сейчас чай поставлю.

— Не беспокойтесь, Людмила Павловна, — ответил Калинкин. — Мы не надолго. Нам нужно задать вам несколько вопросов.

Старуха остановилась и посмотрела на него с подозрением.

— Вы из полиции?

— Капитан Калинкин.

Людмила Павловна вздохнула и медленно опустилась на стул.

— Я думала, вы уже забыли про меня. Пятнадцать лет прошло.

— Мы пришли по поводу Анны Смирновой, — сказал Калинкин. — Вы помните Анну?

Старуха вздрогнула, словно ее ударили.

— Анна? — переспросила она. — Что с ней?

— Она мертва. Ее нашли в карьере. Мы думаем, что ее убили.

Людмила Павловна побледнела, и ее руки задрожали. Она схватилась за стол, чтобы не упасть.

— Я знала, — прошептала она. — Я знала, что это случится. Я знала, что он найдет их.

— Кто "он"? — спросил Калинкин, подавшись вперед.

Старуха подняла на него полные слез глаза.

— Игорь Демидов. Владелец клиники. Он убил Людмилу Петровну. А теперь убивает девочек. Я знаю это, но я боялась сказать. Он угрожал мне.

Калинкин почувствовал, как воздух в комнате стал тяжелым. Он ждал этого признания.

— Расскажите все, — сказал он. — С самого начала.

Людмила Павловна замолчала на несколько мгновений, собираясь с мыслями. Потом начала говорить тихим, прерывающимся голосом.

— Я работала медсестрой в детдоме «Берёзка» с 1995 года. Людмила Петровна пришла позже, где-то в 2005-м. Она была воспитательницей и очень любила детей. Все девочки — Анна, Катя, Рита, Лидочка — обожали ее. Она защищала их, как могла.

Старуха сглотнула.

— А потом, в 2010 году, Демидов купил здание. Он сказал, что собирается построить клинику. Но мы все знали, что на самом деле он хотел избавиться от детдома. Он платил чиновникам, чтобы они закрыли нас. Но Людмила Петровна не хотела уходить. Она боролась.

— Что было дальше? — спросил Калинкин.

— Она нашла что-то в подвале. Я не знаю точно, что именно. Но она приходила ко мне однажды ночью, вся дрожащая, и говорила: "Людмила Павловна, я знаю, что Демидов убивает людей. Я видела тела". Я не поверила ей сначала. Подумала, что она переутомила. Но потом она пропала.

Людмила Павловна закашлялась, потом продолжила:

— Я искала ее. Ходила в полицию, но они сказали, что она уволилась и уехала. Я знала, что это ложь. Она бы никогда не оставила детей. Но я была одна, я не могла ничего сделать. А потом Демидов пришел ко мне и сказал: "Если ты не будешь молчать, я сделаю с тобой то же самое". Он угрожал мне. И я боялась. Я переехала сюда, чтобы забыть все.

— Вы знаете, где находится тело Людмилы Петровны? — спросил Калинкин.

Старуха посмотрела на него с болью в глазах.

— Я не знаю точно. Но когда детдом закрыли, я слышала, как рабочие говорили, что в подвале залили бетоном какой-то отсек. Они говорили, что там кто-то закопан. Я думаю, что это она.

Калинкин кивнул. Теперь у него были доказательства и улики, указывающие на Демидова. Но ему нужно было больше — что-то, что можно было бы предъявить в суде.

— Людмила Павловна, — сказал он, — вы готовы дать показания в суде?

Старуха вздрогнула и побледнела еще сильнее.

— Я боюсь. Демидов узнает, что я заговорила. Он убьет меня.

— Мы защитим вас, — сказала Лида, подходя к ней и беря за руку. — Мы не позволим ему вам навредить.

Людмила Павловна посмотрела на нее, и слезы потекли по ее морщинистым щекам.

— Я сделаю это, — прошептала она. — Ради Люды. Ради девочек. Я сделаю это.

Калинкин записал ее показания на диктофон, потом спросил:

— Вы знаете, что Рита Тихонова пропала?

Старуха вскинула голову.

— Рита? Она работала в клинике. Я знала, что это плохо закончится. Она была слишком любопытной.

— Она искала правду, — сказала Лида. — Как и Анна.

Людмила Павловна покачала головой.

— Она нашла ее. И теперь она, наверное, мертва.

В комнате повисла тяжелая тишина. Калинкин понимал, что время уходит. Он поднялся.

— Спасибо, Людмила Павловна. Мы поедем.

— Будьте осторожны, — сказала старуха, провожая их до двери. — Он опасен. Он никого не пожалеет.

Калинкин кивнул и вышел из дома. Лида шла за ним, кусая губы.

— Она сказала, что Рита мертва, — прошептала она, когда они сели в машину.

— Она не знает этого точно, — ответил Калинкин. — Но мы должны торопиться.

Он завел двигатель и поехал обратно в сторону города. Солнце уже начало клониться к закату, окрашивая небо в багровые тона. Где-то там, в клинике "Новая жизнь", скрывалась тайна, которую он должен был раскрыть.

И он знал, что этой ночью он вернется в подвал.

Калинкин вернулся в город, когда уже начало темнеть. Он высадил Лиду у ее дома и сказал:

— Ты должна оставаться здесь. Не выходи никуда. Закрой двери и не открывай никому, кроме меня.

— Ты едешь в клинику? — спросила Лида.

— Да. Я должен найти тело Людмилы Петровны. И, возможно, Риту.

— Я поеду с тобой.

— Нет. Это опасно. Я не могу рисковать тобой.

Лида сжала его руку.

— Я боюсь оставаться одна. Если Демидов узнает, что я была у Людмилы Павловны, он придет за мной.

Калинкин подумал и кивнул.

— Хорошо. Тогда поедем вместе. Но ты будешь делать то, что я скажу. Никакой самостоятельности.

— Обещаю.

Калинкин развернул машину и поехал к клинике. Он знал, что это может быть последней поездкой.

Они приехали в клинику, когда уже стемнело. Здание было погружено в темноту, только несколько окон на втором этаже светились — дежурный персонал работал в ночную смену.

Калинкин припарковал машину подальше, за деревьями, и они с Лидой тихо подошли к служебному входу, который он заметил еще днем.

— Я должен найти дверь в подвал, — сказал он. — Ты будешь ждать меня здесь. Если я не вернусь через час — звони в полицию.

— Ты же не шутишь? — спросила Лида.

— Никогда не был серьезнее.

Калинкин взял ключ "№ 7", который нашел в кабинете Риты, и направился к задней стене здания. Он быстро нашел старую металлическую дверь, которую не заметил днем — она была скрыта за кустами. На ней висел замок.

Калинкин вставил ключ и повернул.

Замок шелкнул, открываясь.

Он открыл дверь, и изнутри пахло сыростью и холодом. Лестница вела вниз, в темноту.

— Я пошел, — сказал он Лиде. — Жди.

Он включил фонарик на телефоне и начал спускаться.

Подвал оказался большим — длинные коридоры, облицованные старой плиткой, по которым бежали трубы отопления. В воздухе стоял запах плесени и металла. Где-то капала вода.

Калинкин шел по коридору, освещая путь фонариком. Он искал тот самый отсек, который упоминала Людмила Павловна. Через несколько шагов он заметил старую дверь, заваленную строительным мусором, но не запертую.

Он отодвинул ящики и нажал на ручку.

Дверь открылась, и он увидел комнату, которая явно была переделана недавно. Бетонный пол с пятнами, металлическое кольцо в центре, на стенах — следы грязи и крови. Здесь кого-то держали.

И в дальнем углу он заметил свежую, только что залитую цементную плиту.

Калинкин почувствовал, как холод пробежал по спине. Он подошел к плите и опустился на колени. Под цементом что-то было. Он не мог это видеть, но чувствовал.

Он взял с пола кусок арматуры и начал долбить по свежему бетону.

Через несколько минут он услышал голос сзади:

— Я знал, что ты придешь.

Калинкин обернулся.

В дверях стоял Игорь Демидов.

Игорь Демидов выглядел спокойным. На нем был дорогой костюм, с иголки, без единого пятнышка. Руки он держал в карманах. В полумраке подвала его глаза блестели, как у хищника.

— Я знал, что ты будешь копать, — сказал он, медленно приближаясь. — Ты слишком любопытный, капитан. Это плохое качество для полицейского.

Калинкин поднялся, сжимая арматуру в руке.

— Ты убил ее. И убил Анну. Я знаю правду.

Демидов улыбнулся.

— Правду? Ты даже не представляешь, что такое правда, Калинкин. Ты копаешь там, где не надо. Ты мешаешь мне жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.